

Битлис как концепт в творчестве У. Сарояна

Лилит Меликсетян

Уильям Сароян принадлежит к плеяде замечательных американских прозаиков XX века. Однако, будучи именно американским писателем, причем пишущим исключительно по-английски, Сароян остро и неизбежно ощущал свое армянство, свою корневую связь с так называемой старой родиной – Арменией, тоску по ней. Думается, чтобы понять истоки этой тоски, не отпускавшей его на протяжении всей жизни и ставшей одной из стержневых тем его творчества, нужно обратиться к биографии писателя.

У. Сароян родился в США, в семье армянских мигрантов. Когда мальчику было три года, скончался его отец – Арменак Сароян. Событие само по себе трагическое, но для трехлетнего ребенка оно обернулось тяжелой психологической травмой еще и потому, что мать Уильяма, не имея возможности прокормить детей, отдала их в американский сиротский приют, где Уильям Сароян провел пять лет. Таким образом, трехлетний мальчик потерял не только отца, но и мать, семью в целом, лишился родной языковой среды и ощущения Дома. Спустя пять лет – то есть большую часть жизни восьмилетнего Сарояна – он вновь обретет мать, сможет говорить по-армянски (хотя так никогда и не научится читать и писать на этом языке) и даже окажется членом большого семейного клана, потому что к этому времени, к 1916-м году, в Америку, спасаясь от геноцида, из западно-армянского, ныне турецкого города Битлиса бежали практически все выжившие представители его рода.

Фактически, восьмилетний Уильям Сароян смог в некотором роде вернуть себе почти все утраченное. Почти все, кроме самого главного, – отца. Причем, что важно, отца, которого он, по сути, никогда не знал и который как бы мифологизировался в его сознании.

Архетип Дома, его поисков, обретения и/или необретения, пожалуй, в целом очень характерен для постклассической литературы, но для Сарояна эти архетипы наполнены более чем живым, конкретно-личностным содержанием.

Всю свою жизнь Уильям Сароян будет пытаться обрести Дом и найти или хотя бы вспомнить Отца, сделать его образ более осязаемым и живым. «Об этом я ничего не помню. <...> Я берегу память о *тех* днях, хотя их в моей жизни никогда и не было¹. Его воспоминания об отце будут в чем-то сродни платоновскому (точнее сократовскому) *припоминанию*, когда «у человека, который не знает того, чего может не знать, есть верные понятия о том, чего он не знает...»². Писатель будет снова и снова расспрашивать об отце всех членов семьи, знакомых, соседей и т.д. И эти расспросы станут не только фактом его реальной биографии и *припоминания неслучившейся реальности*, но и войдут в ткань его творчества, обретут постоянное звучание в сарояновской прозе.

Так, в рассказе «Человек, знавший отца моего мальчишкой в Битлисе» Сароян пишет о своих частых встречах с давнишним приятелем отца:

«Мы беседуем. Я задаю ему десяток дурацких вопросов <...> Я спрашиваю, как у него дела, что сейчас у него в работе, спрашиваю, как мой отец смеялся, какой у него был голос, спрашиваю, как часто заходят заказчики, покупатели, потом прошу его вспомнить что-нибудь из того, что говорил мой отец, несколько слов, немного, но *точно*.

- Ты помнишь что-нибудь, что говорил мой отец?

- Он много чего говорил. О, много чего. Сейчас я не вспомню, но много разного»³.

Но чем настойчивее были его попытки, тем более бесплотным и идеализированным оказывался образ отца: «Никто ни разу не сказал об отце ни критического словечка, так что я сам в своих расспросах о его жизни и занятиях пытался спровоцировать критику. Попытки мои, однако, остались безуспешными. Худшим, что кто-либо говорил о моем отце, оказывалось то, что он был слишком хорош для этого мира»⁴. Бесплотность, нематериальность отца, его идеализированность, а значит, и некоторую вымышленность У. Сароян пытается преодолеть за счет более вещных, осязаемых и вполне материальных явлений, так или иначе связанных с жизнью Арменака Сарояна.

---

¹ У. Сароян. Битлис // в кн. У.Сароян. «Случайные встречи». М.: «Известия», 1986. С. 120.

² Платон, Менон // в кн.: Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Том 1. М.: «Мысль», 1990. С. 85.

³ У. Сароян. Человек, знавший отца моего мальчишкой в Битлисе // в кн. У. Сароян. «Декларация писателя и 25 рассказов». Ереван: «Наири», 2003. С. 107.

⁴ У. Сароян. Айастан и Чаренц // в кн. У. Сароян. «Армянин и армянин». Ереван: «Наири», 1994. С. 260.

Между тем в рассказах очевидцев, тоскующих по Битлису как по своему «физическому и метафизическому дому»⁵, идеализированный, но именно поэтому не удовлетворяющий Сарояна образ отца тесно переплетается с рассказами о городе, откуда был родом Арменак Сароян – Битлисе. И происходит одновременная, взаимоувязанная мифологизация этого города как истинного Дома и места жительства Отца. Оба они становятся символами потери. Но если вернуть отца к жизни невозможно, то стоит попытаться хотя бы «вернуть» или точнее вернуться в его город. То есть Отечество – Fatherland – обретает для У. Сарояна буквальное и одновременно архетипическое значение: он живет в Америке, это его родина, но истинная родина его отца, а значит, неизбежно и его самого – Битлис. Таким образом, Битлис становится не столько географически реальным местом, топосом, сколько обретает значение особого хронотопа – заколдованного места и времени, в котором отец писателя остается живым.

Никогда не видевший Битлиса, Сароян имел о нем яркое представление, сложившееся из рассказов матери, бабушки и дядей, знал город «наизусть» и часто упоминал его в произведениях. Так, даже в сборнике сказок⁶, куда вошли

пересказанные писателем сказки «со старой родины», в том числе и с довольно распространенными, так называемыми бродячими сюжетами, Сароян делает самых умных, смелых, не унывающих ни в каких ситуациях героев битлисцами⁷. Будучи

писателем выражено автобиографического толка, Сароян во множестве рассказов, эссе, мемуаров и даже сказках как бы между делом делится тем образом Битлиса, который сложился у него: само слово «Битлис», «битлисец»

⁵ David Calonne. *William Saroyan. My Real Work Is Being* (The University of North Carolina Press, 1983), p. 130.

⁶ William Saroyan. *Saroyan's Fables* (Harcourt, Brace and Company, 1941).

⁷ Подробнее об этом см. Lilit S. Meliksetyan. "Saroyan's Fables" as an Attempt of Implementation of Armenian Folklore", *Voske Divan: Journal of Fairy Tales Studies*. 2010. Vol. 2, pp. 152-155.

обретает значение концепта в его творчестве, при этом воображаемый, *припоминаемый*, представляемый им по бесчисленным рассказам родни Битлис – крупный оживленный город с древней историей, где жили самые достойные и благородные люди на свете; этот город буквально выбит в горах, и даже его узкие и кривоватые улицы – свидетельство силы и упорства битлисцев; Битлис весь покрыт цветущими садами, но главное – в Битлисе как бы навечно стоит дом Арменака Сарояна, битлисские улицы помнят сарояновскую поступь и т.д.:

«...Однажды вечером младший брат моего отца Седрак ехал по улице на велосипеде. Он слез с него, зацепил педалью за деревянный тротуар и подошел ко мне.

— Что это с тобой? — спросил он.

— Где мы жили вначале? — спросил я.

— Ты родился здесь, — сказал он. — Ты живешь в этой долине всю жизнь.

— А где жил мой отец? — спросил я.

— На родине, — сказал он.

— А как назывался город?

— Битлис.

<...>

— Ты помнишь моего отца на улицах Битлиса?

— Конечно. Он же мой брат.

— Ты видел его? — спросил я. — Ты видел, как мой отец ходил по улицам города, выстроенного в горах?

<...>Младший брат моего отца уехал на велосипеде, а я снова сел на ступеньки крыльца. Я вдыхал этот воздух, и ко мне возвращались дни, когда мой отец жил в городе, выстроенном в горах, и я знал, что он не умер, потому что я здесь, я дышу, а небо очень высокое и все же близкое, и чистое, а воздух — теплый, каждую частицу его, кажется, можешь взять на ладонь, и в этом мгновении — вечность всех дней и людей, и этот мир — мир всех, кто родился когда-либо, мир всех, кто когда-либо мечтал в долгие теплые дни августа и сентября и октября»⁸.

Закономерно, что поездка в Битлис как место, «где отец не умер», становится для Сарояна идеей-фикс. Когда в 1934 году выходит рассказ «Отважный юноша на летящей трапеции», а вслед за ним и одноименный

---

⁸ У. Сароян. Битлис. С. 121-123.

сборник рассказов, Сароян обретает не только заслуженный успех, но и – что немаловажно – деньги. Попутно заметим, что по его глубокому убеждению «Коммерция не вправе управлять искусством» – именно с этими словами он в 1939 году откажется от Пулитцеровской премии, но в 1935 году на первые же гонорары молодой Сароян спешит на землю своего отца – в вожделенный Битлис. Однако ему отказывают во въезде в Турцию, и ему снова остается лишь *вообразить* ландшафт.

Впрочем, Сароян не сдаётся и вместо Битлиса приезжает в советскую Армению, о чем он позже напишет: «Два обстоятельства побудили меня отправиться в Айастан весной 1935-го, когда мне было 26 лет: беспокойство писателя и потребность сына увидеть родину своего отца»⁹.

Но поездка оборачивается как бы неполнотой смысла – Битлис вне советской Армении, а значит, эта Армения в некотором роде отдает суррогатностью, симулякром – настоящая Отчизна для Сарояна (если процитировать Мандельштама) «вся далеко за горой». Даже несмотря на любовь Сарояна к советской Армении, отечество для него – географически пролегающая между Диаспорой и советской республикой *настоящая Армения*, лишённая армян. Прежде всего – Битлис.

Молодой Сароян попытается даже вышутить свое разочарование в рассказе «Айастан и Чаренц»:

«Через несколько часов после прибытия в Ереван я заказал машину с водителем и поехал в Эчмиадзин, где встретил старика с допотопной винтовкой. Он сказал, что сторожит развалины храма Звартноц. <...> Когда мы вышли на простирившуюся за руинами храма равнину, я неожиданно спросил: «А где Битлис?» Старик взглянул на меня, и я увидел, как глаза его тронул смех.

- А что, сказал он, – твои родичи из Битлиса?

- Да, – сказал я.

Справа был Арарат. Старик повернулся чуть влево и уставился вдаль – на равнину, катящую золотистые волны трав. Он вытянул по правому боку руку, потом стал медленно поднимать ее, точно это было некое механическое устройство, специально созданное для того, чтобы указывать направление к Битлису. Он направил взгляд по вытянутой руке, как если бы рука была его винтовкой.

---

⁹ У. Сароян. Айастан и Чаренц. С. 259.

- Битлис, – сказал он. – Если идти по этой прямой, через шесть дней и ночей будешь в Битлисе. Ну, давай, иди.

Я расхохотался, ведь он все это разыграл ради моего да и своего развлечения, и старик тоже хмыкнул»¹⁰.

Вторая мировая война на время отменяла для Сарояна все возможности съездить в город его отца. Но уже после войны он снова будет пытаться проникнуть в Битлис. Тем более что его попытки выстроить свой Дом, самому стать Отцом со всей очевидностью провалились: его брак с Кэрролл Маркус окончился мучительным разводом, а дети Арам и Люси остались с матерью. Именно в этот период Сароян оказался в «критическом штопоре», его послевоенная писательская карьера резко пошла на спад.

Между тем в 50-60-е годы Сароян сам пытается понять, «где он находится», разобраться в собственной системе ценностных и творческих координат и пишет череду повестей/романов («Rock Wagram» (1951), «Tracy's Tiger» (1951) «The Laughing Matter» (1953), «Mama, I Love You» (1956), «Papa, You're Crazy» (1957), «Boys and Girls Together» (1963), «One Day in the Afternoon of the World» (1964)), отражающих трагическое одиночество, отчужденность главного героя не в «большом внешнем мире», а в самом сокровенном мире кровного родства. Эти произведения о крахе

семейной жизни, мучительном одиночестве, горечи от осознания собственного бессилия что-либо изменить Дэвид Кэллон обозначил как «романы отцовства» (Fatherhood novels)¹¹, а Флоан – как «романы самопостижения» (novels of self-discovery)¹². Однако независимо от предлагаемых критиками названий и

¹⁰ Там же. С. 261-262.

¹¹ David Calonne. *William Saroyan. My Real Work Is Being*, p. 131.

¹² Howard R. Floan. *William Saroyan* (Manhattan College, Twayne Publishers, Inc. New York, 1966), p. 134.

определений, многочисленные произведения этого периода объединены такими сквозными мотивами, как связь с древней стороной, поиски Дома и определение собственной национальной идентичности, а также такой фундаментальной для У. Сарояна темой, как Отцовство.

В 50-60-ые годы для Сарояна тоска по Битлису как тоска по утраченному смыслу только нарастает. И вот в 1964 году, когда писатель уже провозглашен «дедушкой хиппизма», его снова много печатают и ставят в театрах, Турция наконец дает ему разрешение на въезд. Но странным образом, обычно пишущему достаточно легко и много Сарояну понадобится целых 11 лет, чтобы наконец поделиться своими впечатлениями от этой вожаделенной поездки и написать пьесу все с тем же названием «Битлис».

Почему же так произошло? Мы не можем списать это на некий творческий кризис, потому что Сароян продолжал довольно активно писать в эти годы. Скорее всего, речь тут должна идти о другом. В письме главному редактору стамбульской газеты «Мармара» П. Зобияну У. Сароян признавался, что не может писать о путешествии в Битлис, потому что «впадает в ярость от этой истории». Но что могло вызвать такую ярость?

Реальное путешествие в Битлис, а также художественное осмысление итогов этого путешествия – это своеобразный тест на решение мучительного вопроса о возвращении к истокам, или, как заявил сам Сароян в одном из интервью, отражение его «почти психопатического стремления возвращаться в прошлое»¹³.

Как мы уже упоминали, Сароян пребывал в поисках мифического места, которое, на его взгляд, определило его характер, сделало его битлисцем независимо от места пребывания и рождения. Но в реальности Сароян «увидел старые, разрушенные дома, церкви со склонившимися куполами, однако не увидел могил – того, что напрямую соотнесло бы его с армянским прошлым города, хотя бы отчасти дало бы «пищу сердцу» (о чем так точно заметил А.С. Пушкин: «Два чувства дивно близки нам, В них обретает сердце пищу: Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам»). Ни на одном из 4 кладбищ города не осталось ни одной армянской могилы. На основании одной церкви была построена тюрьма, другая превратилась в конюшню»¹⁴.

---

¹³ Интервью с Кариком Пасмаджяном «До конца с Уильямом Сарояном» в кн. «Уильям Сароян». Ереван, 1999. С. 135 (на армянском языке).

¹⁴ См. <http://www.yerkramas.org/2012/05/14/on-ne-chuvstvovai-nenavist-ne-perezhil-zlost-tureckaya-pressa-o-vilyame-saroyane/>.

Столкновение с настоящим Битлисом – городом, по которому некогда ходил отец писателя, где сохранились развалины «дома Сароянов», но одновременно городом, где, как оказалось, нет не только реальных следов Арменака Сарояна, но где вообще не осталось армян, кроме одного городского сумасшедшего, и где теперь курды пасут коз; городом, где невозможно обрести Дом и куда невозможно вернуться, – это столкновение с настоящим Битлисом оказалось настолько жестким и эмоционально тяжелым, что Сарояну понадобилось более десяти лет для литературного выражения увиденного и пережитого.

Когда же наконец появляется одноактная пьеса «Битлис», то мы видим практически документальную хронику путешествия, действующие лица которой – сам Сароян, уже упоминавшийся Петрос Зобиян, некие Ара из Стамбула и Ахмед из Битлиса. Перед нами типичная пьеса для чтения – сродни не только соответствующим ибсеновским, но скорее даже платоновским традициям философского диалога, где действие сведено к минимуму.

И все-таки одна важнейшая для Сарояна акция здесь имеет место. Это акция выбора. Воображая ландшафт и сопоставив его с реальностью, Сароян ставит проблему экзистенциального выбора «настоящего» Битлиса. Что есть настоящий Битлис: город его предков, искомое Отечество, никогда не виданное, но припоминаемое со всей отчетливостью, или симулякр – город, который он себе вообразил, но которого никогда не было? Или тот, который он увидел? И «здесь ли вообще Битлис?»¹⁵

Битлис совмещал в себе все эти пласты, и понадобилось целых 11 лет, чтобы разобраться в этом. В своей пьесе Сароян делает осознанный экзистенциальный выбор: «Я выбираю любовь к Битлису и веру, что он наш. ...У меня нет никакого выбора, кроме права выбирать. Но так как я действительно выбрал, то уже неважно, так это, или нет – правда в том, что я люблю Битлис, я верю, что он наш, он – мой»¹⁶.

Этот концептуальный выбор Уильяма Сарояна отразится не только в пьесе, но и в итоговом тексте писателя – в его завещании, где особо будет оговорена просьба Сарояна развеять часть его праха в Битлисе – городе, куда невозможно вернуться и от которого невозможно уйти.

---

¹⁵ У. Сароян. Битлис. С. 239.

¹⁶ Там же. С. 241.

